

Сергей Гаврилов

Массогабаритный макет

(Истории золотого времени)

1. Гроб Магомета

Эта необычайная история – из тех времен, когда случилось мне работать в уважаемом московском вузе. Советские времена были.

Те, кто нынче молод, и не знают толком, в чем там было дело с этим социализмом. За чем (и зачем) тогда «стояли». Что говорили душе каждого сакральные слова «конец квартала». Иные, постарше – припоминают, что хоть и «стояли», но, в конечном итоге, «имели». Золотое, как говорят, времечко. Кто-то вообще существовал по ту сторону торгового прилавка.

Шла, повторяю, советская эпоха.

В каковую и позвонил мне один знакомый из крупного отраслевого института НИИАС.

— Слушай, у нас тут накопилась ненужная техника. Не хочешь ли приехать, забрать что-нибудь для вуза?

— Спасибо, закажу машину, подъеду, да все и заберу.

— Да ты не так понял. Тут и ста машин не хватит... Вы приезжайте вначале только чтобы отобрать – что заинтересует.

Здесь надо пояснить. Когда закрывается научно-исследовательская тема, все ее результаты передаются заказчику. То есть – военным (кто же еще был тогда «заказчиком»?). Результаты – это научные отчеты, стенды, опытные образцы. Все остальные ресурсы считаются израсходованными; их как бы теперь и нет.

У известного института авиационной отрасли – такого «остального» накопился целый ангар. Логично было предложить учебному заведению вывезти что-

то из барахла, так сказать, для обучения студентов.

От таких предложений не отказываются. И вот собрались мы для этой цели – я с двумя другими персонами. С начальником учебной лаборатории по имени Викторас (он литовец) и одним старшим научным сотрудником. Назовем его Николай Васильевич.

Интересный он был человек, этот Николай Васильевич. Называю в прошедшем времени – потому что дела-то давно минувших дней. Впрочем, и умер он давно, с сожалением.

Будучи кандидатом наук, занятым в каких-то теоретических исследованиях, имел он главный интерес в жизни: сделать что-то своими руками. В его тогдашней холостяцкой комнате на Беговой (да вы знаете этот дом – он в самом начале улицы)... В его комнате – все было заставлено ящиками с разными штучками, к которым равнодушно мужчины. От электронных приборов до металлических заготовок.

А заготовки-то для чего нужны? Очень просто: на просторном подоконнике коммунальной кухни помещался еще и токарный станок. Так что наш Николай Васильевич и выточить мог вполне, при необходимости. И даже очень это дело любил – был просто маньяк-самодельщик.

Постоянно рождались у него какие-то поделки. Иногда полезные. Чаще – дурацкие. Например, «гроб Магомета», парящий в воздухе без опоры (на системе из множества магнетиков). Или «волшебный портфель», вручавшийся ничего не подозревающему новичку: на-ка, подержи... Внутри помещался раскручен-

ный гироскоп. Не сумею объяснить ошеломляющий эффект, когда потрепанный

2. Хлорное железо

Отвлекаясь от повествования, скажу, что страсть к мастерству (как и любая непобедимая страсть) была причиной разных казусов. Как-то, по просьбе нашего умельца, его сестра-химик принесла ему (с работы, а откуда же еще, в магазинах ничего такого не продавалось) банку наинужнейшего реактива – хлорного железа. Вещь, необходимая для изготовления печатных электронных плат.

Бесценная банка с красно-коричневой слизью, внесенная с мороза, водружена была посреди тесной комнаты, а сам Коля лег на кровать и, довольный, забылся сном.

Продолжение сюжета воследовало утром. Тому, кто смотрел фильм «Крестный отец» Копполы, легче представить происшедшее. В общем, наш Коля продрал глаза – и с ужасом обнаружил, что вся постель его в крови.

Поначалу пришло в голову искать на себе тяжкие ранения... Впрочем, ситуация разъяснилась быстро. Оказывается, ночью лопнула банка (от тепла, что ли), и в лужу бурого реактива обмакнулся край одеяла.

3. Секретные изделия

Наш товарищ, литовец Викторас, рассудительный, уравновешенный человек, заведовал тогда учебной лабораторией. Здесь знакомили студентов с образцами техники, полученной примерно подобными же путями: из промышленности, войсковых частей... Чаще всего привозился откровенный хлам, интерес к которому был в одном: разобрать и посмотреть, что там внутри.

Один такой весьма интригующий цилиндр долго раскручивали всей компанией, закрепив в тисках и вращая верхнюю часть. Разборка шла туго. Уже было ясно, что осталось каких-то две – три нитки резьбы, а на гаечный ключ, наращенный метровой трубой, по-прежнему приходилось налегать изо всех сил.

портфельчик вдруг выворачивается из рук.

Ничего не оставалось, как выкинуть испорченное белье вместе со злополучной банкой, а пол добросовестно вымыть. Скорбя о потере, отправился Коля в институт, а, придя вечером, снова обнаружил на линолеуме мокрую лужу хлорного железа.

То есть, он точно помнил, что все было вымыто дочиста... Мистика какая-то!

Недоумевая, вымыл он пол снова. Нечего и говорить, что утром мерзкая лужа была тут как тут.

Не зная, что думать, и подозревая, что свихнулся, бедняга в панике позвонил сестре. Которая, будучи химиком, и растолковала, что хлорное железо не только растворяет металлы (за что ценится), но вдобавок жадно поглощает влагу из воздуха – причем достаточно ничтожных следов этого гадкого вещества. Заодно посоветовала способ его связывания (уж и не помню, кажется, содой). Дьявольское пятно наконец-то удалось извести.

Вдруг – грохот. Что-то ударило в потолок, посыпалась штукатурка...

Большинство попросту остолбенели с раскрытыми ртами. Но один из присутствующих, человек вышколенный, военный, обнаружился лежащим на полу – по всем правилам, вниз лицом, головой от эпицентра.

Внутри цилиндра была сжата невероятной мощности пружина, которая призвана растолкнуть кабельные разъемы при старте ракеты.

Людам нашего времени (и нашего жизненного пути) знаком термин: «специзделие». Государственная тайна могла быть заключена ведь не только в документах, но и в образцах техники. Уж если

какая-то штука признана секретной, избавиться от этого грифа было практически невозможно. И логика здесь не значила ничего.

К примеру, секретными числились магнетроны станций траекторных измерений – потому что по ним можно-де определить рабочие частоты локаторов. И пускай антенны «светят» в небо, которое

4. Списывательная кувалда

Итак, поехали мы в НИИАС за аппаратурой. Нет, постойте, я же не закончил про учебную лабораторию, а иначе будет непонятно... Стояла в ней одна такая секретная ракета, ради которой приходилось соблюдать кучу обременительных формальностей. От самой ракеты каким-то образом удалось избавиться, осталось одно «специзделие»: радиопрозрачный обтекатель головной части.

Совершенно неясно, почему числился секретным текстолитовый колпак. Но, чтобы списать его с особого учета, требовалось одно: уничтожить.

Сейчас-то стало забываться... В социалистической экономике, которая к тому же должна была (по словам товарища Брежнева) быть экономной, огромное значение придавалось правильному «списанию» материальных ценностей.

Допустим, решено списать с баланса вычислительную технику. Недостаточно было составить акт. Изделие было необходимо непременно уничтожить. Просто выкинуть на свалку нельзя: ведь кто-то может взять выброшенное себе, и выйдет покушение на устои социализма: вроде ликвидировано, а оно живет. Да

5. Магний

И вот теперь предстал перед нами обтекатель ракеты. Который, поясняя, числился не на материальном, а на секретном учете, и объясняться надо было уже с инспектором режимного отдела.

— А что если мы просто вынесем его на свалку? Да еще и прикопаем там.

— Нет, ребята. Не собираюсь я из-за вас под суд идти. Написано в инструкции: уничтожить.

бороздят разведывательные спутники, контролируя все излучения - это решительно ничего не меняло. Один мой сослуживец по космическим войскам – старший лейтенант – вздумал собрать неисправные магнетроны и почему-то закопать их в уссурийской степи: подальше от иностранных шпионов. Вышел, конечно, большой скандал.

еще, может, и работает? И кто-то на этом нажился? Каково, при зрелом социализме!

Для процедуры приглашался особый работник со священной «списывательной кувалдой». Обычно можно было как-то его упростить:

— Знаете, вы не слишком-то усердствуйте, ведь микросхемы вполне исправные. Мы их выпаяем с плат и пустим на запчасти.

— Ладно, но только сами платы обязательно должны треснуть. Не собираюсь я из-за вас под суд идти. Буду ударять по краю, что уж там уцелеет – смотрите, ваше счастье.

Наносился умелый удар кувалдой по плате, которая и отбрасывалась в сторону. Свора инженеров на сторублевых окладах, в китайских затертых рубашках, расхватывала электронный лом и тащила по своим закуткам, где власть с ним воцарилась.

Ведь в каждом из нас была частица маньяка Николая Васильевича. Да, в сущности, молоды мы были еще. Как же не золотое времечко-то?

— Но могли бы и войти в положение...

— Вот я и вхожу: разрешаю это сделать как угодно без меня. А мне предъявите куски.

Начали с естественного: со списывательной кувалды. Но устрашающего вида инструмент не возымел никакого действия: молот просто отскакивал от пружинящей поверхности.

Идеи вроде «скинуть вниз с седьмого этажа» отвергли как смехотворные, зато пришла мысль попробовать распилить специзделие. Мальчугану была вручена ножовка – и оказалось, что ракетный текстолит недурно пилится. Вскорости нес я показать режимнику несколько кривых ломтей, которые прежде составляли носовой конус.

От секретного изделия осталась так называемая обечайка – металлический цилиндр, который пиле уже не поддавался. Инспектор же твердо стоял на своем: уничтожить, и точка. Пришлось обратиться к сварщику.

Что значило «обратиться»? Во времена плановой экономики любые незапланированные вопросы решались одним

6. Покосившийся портрет

Корпус, в котором находилась лаборатория, обращен был фасадом на этажную «правительственную» трассу. Дважды в год, накануне известных празднеств, полагалось размещать по фасаду портреты членов Политбюро ЦК.

Эти громадные (в целый этаж ростом) портреты хранились неведомо где, но в определенный день и час, по особой команде райкома КПСС, извлекались и водружались на должное место – силами сотрудников, разумеется.

Назначалась процедура на вечер: массы трудящихся уже покинули рабочие места и рассыпались по скудным магазинам отстаивать в очередях. Согласитесь, что будет политической ошибкой, если толпа увидит, как дорогого товарища Брежнева, например, тянут на веревке. Нет, граждане должны обнаружить как бы чудом явившееся оформление – утром, идя на работу в последний предпраздничный день.

Загодя планировалось, кто и «кого» подымает. Дело ведь непростое: двое втягивают портрет за верхние углы и закрепляют, в это время двое ниже этажом выравнивают и тоже подвязывают – от них зависит не перекосить. Внизу располагается представитель партийного комитета, чтобы давать указания.

путем: спиртом. Было отпущено полбутылки спирта, после чего знакомый электросварщик подступил к железяке со своей гудящей аппаратурой.

И случилось ужасное.

Представьте себе, что кто-то попытался разрезать сваркой новогоднюю петарду – эффект примерно тот же. Обечайка-то была из магниевого сплава. Оказывается, металл можно было попросту поджечь!

Перепуганный сварщик, весь в копоти, запросил долить бутылку до полна – в компенсацию морального вреда. Что и было исполнено.

Важно также вовремя снять портреты: рано утром непременно в первый же послепраздничный день, хотя бы он был и выходным.

Новое поколение вряд ли хорошо осознает, какое значение придавалось таким ритуалам. Однажды (в день праздника) звонит мне домой дежурный по институту... А кто это такой – праздничный дежурный по предприятию? Это, как правило, отставник, нередко бывший работник КГБ. Человек непоколебимых устоев. Понятнее говоря – Модест Матвеевич из «Понедельника...» Стругацких.

И вот звонит мне на дом такой дежурный с известием.

— Вы такой-то?

— Да, я...

— Отставить отдых. Следует прибыть немедленно в институт. Вам вводная: покосился товарищ Капитонов. Об исполнении доложите.

Ужас. Понятно, конечно, что покосился портрет члена Политбюро, а не он сам. А что это значит?

Значит, что секретарь райкома, возвращаясь с праздничной демонстрации, проезжал по трассе и увидел непорядок. Следует команда дежурному по райкому,

тот звонит в приемную ректора. Дежурный вуза по своему списку (непрерывно есть такой список!) определяет, за кем числится данная персона. Тут же рядом телефоны ответственных лиц.

Ехать в институт совершенно не хотелось. Попытался я воззвать к логике:

— Слушайте, Модест Матвеевич... Ну зачем я поеду? У вас под рукой аварийная бригада - что стоит послать человека, поправить отвязавшуюся веревку? Это и быстрее выйдет, *оперативнее*, — пытаюсь я применить к понятиям служаки.

7. Н.М. Карамзин

Когда случилась мистическая портретная история, можно указать точно: накануне мая 1986 года. Помните? Ускорение и перестройка. Борьба с негативными явлениями. Демократизация и гласность. Нет зон, закрытых для критики.

И гречневая крупа в магазинах — по рецептам, только для диабетиков.

Возможно, что это я путаю. И гречка по рецептам появились позже, в году 88-м или 89-м. Но «дефицит» уже шествовал триумфальным маршем. И, главное, всю разворачивалась антиалкогольная компания.

Между прочим, вот вам случай как раз на эту тему. Идя как-то с женой к дому, вздумали мы заглянуть в соседний магазинчик — может, «дают» что-нибудь. Магазин этот назывался «салун»: тут могли и одежду продавать, и канцтовары, и бог весть что еще, да только не было ничего. Впрочем, уже на подходе к торговой точке заметили, что весь газон усеян чем-то... то ли бумажками какими-то одинаковыми, то ли коробочками, а может, даже и пузырьками.

Но нам не до того: ведь видим же, что стоит хвост. Полагалась сперва за-

8. Пепси-кола

На беду, у нашего заведующего кафедрой именно тогда случился юбилей. Так в чем же, кажется, беда-то? А в том, что был он не настоящим заведующим, а

— Вы это прекратите! Дело политическое. Вы же получали инструкции, как правильно вешать, а я — нет. Знаем, что бывает за портретики-то...

И припомнил тут я скупой давний рассказ отца. Как чуть не поплатился партбилетом за покривившийся портрет Сталина — на избирательном участке. Вешал-то рабочий, а отец должен был проследить... Спасла смерть вождя, не до того стало.

С этими самыми портретами связана одна странная история.

нять очередь (так и поступили). А затем выяснять у граждан, что именно в продаже (в ответ буркнули: Карамзин).

Ура, ведь и книги в дефиците, а тут тебе пожалуйста: классику завезли!

Осталось потолкаться у прилавка, чтобы выяснить, какое именно производство Н.М. Карамзина дают. Жена нырнула в бушующую свалку, вскоре вынырнула и грустно сказала: пойдём отсюда.

В чем же оказалось дело?

Давали вовсе не литературу. Давали «Карма-Зин», патентованное средство из ГДР против перхоти. При абсолютно ядовитом составе, призванном уничтожать грибок на голове, оно содержало 70 процентов спирта.

И поняли мы, наконец, чем это таким усеяны окрестные газоны. Да, это были они, упаковки из-под «Карма-Зина». Счастливики, кому достался заветный синий флакон, тут же швыряли коробку и с наслаждением выдували содержимое.

«и.о.». Это значило, что в любой момент могли привести постоянного заведующего, а его отставить. Особенно, если дать к тому повод. Например, проявить полити-

ческую незрелость, употребив на праздновании дня рождения те напитки, с которыми партия повела непримиримую борьбу.

А что если не затевать застолья? Тоже будет ошибкой: получив-де высокий пост, поставил себя над коллективом.

Кому не доводилось работать в советских вузах, вряд ли правильно оценят ситуацию. Должности доцента, профессора, зав. кафедрой были очень завидны. Исключительные по тогдашним меркам заработки, приработки и льготы, престиж, относительно свободный график, двухмесячный летний отпуск... На скоропелого выдвиженца смотрели со злобой. И все знали, что в любой, самой дружеской компании есть «доброжелатель», готовый нашептать куда надо, что такой-то оступился... Недостоин воспитывать поколение, так сказать.

Да что там должности или диссертации, под ударом оказывалось куда большее. Ведь охотно «сигнализовали» и в известный «комитет». Теперь уж вряд ли кто помнит дело журналиста-шпиона Ильи Сулова. Тогда, в 1985-м, оно прогремело, но как-то скоро и таинственно угасло. А ведь летели головы и партбилеты, ломались судьбы, потирали руки иные небрежливые граждане.

Но не будем ворошить прошлое: живы еще люди, на слуху громкие имена.

9. Сельдь и васаи

Но о чем это я? Итак, приехали мы в НИИАС... Только погодите, закончу сначала про «дефицит», раз уж начал.

Впрочем, работал я уже в страшно секретном «почтовом ящике», где довольно часто выпадали «заказы». Помните этот соцпакет советских времен? Никто ведь в действительности ничего не заказывал: на самом-то деле «заказы» были пайками. Всем пайков не хватало, значит, устанавливалась очередность или же бросали жребий – «разыгрывали».

Ядром заказа бывало что-то ценное: колбаса, печенье «Юбилейное» или даже

Иным скверным историям лучше кануть в небытие.

Итак, повторяю, разворачивалась борьба с «употреблением». Потому то и были мы приглашены к богатому (по тогдашнему времени) юбилейному столу, уставленному скучными бутылками «пепси-колы».

Не любитель я выпить. И вообще, каждому случалось отлично повеселиться и без спиртного. Но не сумею описать это странное застолье. Всем было как-то неловко. Как будто условились о чем-то не говорить (а очень хочется). Как покойник в доме.

Поели, вроде... Хозяин пошел приготовить кофе. И вдруг вынес – и, пряча глаза, сунул кому-то – фляжку коньячка:

— Не подумайте чего плохого, это так, любителям: может, захотят добавить в кофе, для запаха.

— Естественно, о чем речь! Только в кофе, для аромата. Мы же не пить сюда пришли. Партия нас учит, все ж таки...

Фляжка пошла по рукам под столом. Не всем досталось этого коньяка, не все-то его и захотели. Но вот чудеса: все без исключения общество оживилось. Странно, что даже у непьющих заблестели глаза, посыпались шутки. Как будто пропала неловкость, и сделалось сразу легко.

Покойника вынесли.

баночка икры. К желанному ингредиенту всучивали «нагрузку» – какие-нибудь несъедобные консервы или гадкую перловую крупу. В 70-е годы в нагрузку еще могли дать банку латвийских шпрот; позже, наоборот, нагрузка полагалась уже к самим шпротам.

Кстати, ведь распределяли не только продовольственные припасы. Моя жена отхватила таким путем чудесное кожаное пальто с ламой. Пальто было великовато, да кто ж на это глядел?

Разыгрывали книги. Вот вам стенограмма беседы двух дам, которую я не-

вольно подслушал в столовой того же секретного НИИ.

— Ты какую книгу вчера выиграла?

— Эту, ну как же она называется, Фил, что ли...

— Ну, знаю. Фил, Фил! Мосты, мосты...

— Или не Фил... Оливер Твист, кажется. Ну а ты?

— А я – «Двенадцать стульев».

— Погоди, это же, вроде, детская?

— Совсем нет, – юмористическая. Знаешь в телевизоре «Кабачок 13 стульев»? Так вот это оно и есть!

Быть может, вы уже не помните, что это за Фил с его «мостами»? Ну и ладно. Тогда вернемся к продовольственным заказам. В описываемое перестроечное время в нагрузку к ним отпускалась почему-то сельдь иваси.

Вероятно, это сам по себе неплохой продукт. Но надоела всем эта иваси, к

10. Пропавший иконостас

Но возвращаемся к нашему вузу и к фантастической истории с портретами.

Перестройка перестройкой, а жизнь следует пока обычным порядком. Накануне праздников (напомню, 29-го апреля 1986 года) развесили мы портреты, череду которых возглавлял уже Архитектор Перестройки (почему-то без известного пятна на лысине). И отправились по домам. Ничто не предвещало завтрашнего бреда.

Утром подхожу к знакомому зданию...

Бывает, что-то вдруг как бы сдвигается в пространстве. Теряется ориентация. Кажется, то ли ты спишь, то ли, наоборот, спал, а вот теперь проснулся. Не знаю, смогу ли объяснить свои ощущения – посреди казенной советской действительности – при виде того, что никаких портретов нет, как и не бывало.

Теперь и самому смешно. Подумаешь, эка важность, если тут за день распадаются государства, за месяц воздвигаются небоскребы, двоечницы учреж-

тому же, она залеживалась на оптовых базах, что не лучшим образом отражалась на ее вкусовых достоинствах.

В тот роковой жаркий день выдавали сразу несколько видов заказов, и досталось многим. И к каждому заказу прилагался чуть ли не килограмм иваси. Селедка, как видно, хорошо вылежалась где-то в подсобке, дух от нее разил могучий. Не было и речи о том, чтобы даже занести ее домой, а не то что пытаться съесть. Толпы сотрудников, ошарашенных пайками, валили через мост путепровода к метро, избавляясь по пути от злосчастной сельди.

Ужасный сюрприз поджидал народ утром. Иваси, скинутая в изрядном количестве с моста на железнодорожное полотно, за ночь набрала необычайную степень крепости. Миазмы были таковы, что преодолеть путепровод стало решительно невозможно. Отравлен был весь район.

дают финансовые холдинги, а звезды мирового кино рекламируют дешевый кетчуп.

И однако единственное, что пришло в голову в той ситуации – что портреты мы вообще не вешали, а все вчерашнее каким-то образом мне померещилось. Вдумайтесь в это, и вы поймете эпоху.

Ошалевший, явился я на работу... Тут дело разъяснилось.

В то время как мы спокойно разъезжались вечером по домам, промчался по трассе кортеж автомашин советского лидера. Увидев ряд портретов, процедил демократ Михаил Сергеевич сквозь зубы: «Что это еще за иконостас?»

Симптоматично, что партийные чиновники чего-то подобного уже и ожидали: как-никак, настали новые времена. Демократизация требовала зримых перемен, ярких жестов. Разумеется, немедля прошла знакомая цепочка команд. Только сигнал поступил на этот раз в партком (который вечером еще работал).

Исполнять полагалось незамедлительно. Заместитель секретаря парткома в испуге ринулся по этажам – и в одиночку поздним вечером выполнил всю ту рабо-

11. Остров сокровищ

Так я же собирался рассказать, как мы ездили в НИИАС за неликвидами, а все почему-то никак не удается. Посему перепрыгну сразу к делу. Запустили нас троих в огромный ангар, наполненный ящиками, и оставили одних. Этот день я буду помнить всю жизнь.

Передо мной сложная задача. Описать, чем явилась для нас, инженеров, влюбленных с детства в технику, эта гора сокровищ. Даже и в буквальном смысле: тут умерли миллионы и миллионы народных рублей.

Здесь мы зримо осознали, во что воплощались нищенские труды наших измученных родителей на заводах военных наркоматов. Отчеты из серых картонных папок института «Нордхаузен» или «Рабе». Гений Вернера фон Брауна и искусство безвестных советских токарей, фрезеровщиков и шлифовщиков. Бессонные ночи за кульманами конструкторов «бериевского» СКБ. Труды тысяч и тысяч инженеров, которыми населены серые здания без вывесок, с лепными знаменами на фасадах.

За горой техники виделись машинописные тома эскизных проектов, цеха с рядами сгорбившихся девчонок радиомонтажниц, лиловые синьки схем и кальки «извещений», опутанные приборами стенды, стылые полигоны, суровые военпреды, неохотно ставящие, наконец, свою звездочку с номерным шифром приемки.

12. Заманчивый артефакт

Итак, начали мы откладывать в сторону то, что нравится. Но скоро поняли, что вывезти все, что отобрано, совершенно нереально. Наши руки тянулись к отлично обработанным, оксидированным или кадмированным основаниям, планкам и уголкам. Да чего там, сами упаковочные ящички были шедеврами столярного искусства, стоившими явно дороже

ту, для которой обычно отряжалась специальная бригада. Поснимал «иконостас». Который с тех пор не вешали уж больше.

Начали мы отковыривать от этой горы лакомые кусочки. Брать стоящие с краю ящики и открывать. Каждое такое открытие сопровождалось экстатическим воплем.

Чего только не нашлось в этих ящиках. Блестящие самолетные приборы и автопилоты. Гироскопы и гироскопические платформы. Головки самонаведения с сероватыми радиопрозрачными обтекателями. Какие-то немислимой сложности многоперьевые самописцы. Электронные блоки, внутри которых сверкали радиолампы толщиной с карандаш. Все в бархате, на пористом каучуке, на пружинных подвесках, с мешочками силикагеля – от влаги.

Из какого-нибудь ящика являлись колоссальные граненые пластины кварца. В коробках оказывались кучи ультразвуковых излучателей, странных стержневых магнетиков, аккуратно завернутых в папиросную бумагу. Россыпи микроскопических электромоторчиков, будто сделанных искусным ювелиром. И, похожие на моторы – сельсины и умформеры. Рулевые машинки ракет соседствовали с лопатками турбин, серебряные трубки волноводов – с линзами объективов.

Это был апофеоз советской военной промышленности. Осененной портретами отнюдь не Капитонова или Гришина, и не говоруна с отметиной на лысине.

наших скудных месячных окладов. И они нашли бы себе местечко в хозяйстве у каждого.

А впрочем, мысли о хозяйстве куда-то исчезли. Забылись ежедневные горькие вопросы: почему селедка иваси? Почему средство от перхоти – из побежденной страны? Почему нет колбасы? Слов-

но сама суть эпохи собралась в этом ангаре и сделалась кристально понятной.

По мере раскапывания кучи обнаруживались вещицы еще замечательнее прежних. Уже начали волочить назад и отшвыривать выбранное вначале, в жадности заменяя его все новыми и новыми ценностями. Даже флегматичный Викторас в исступлении выкрикивал:

— Это я откладываю для себя, запомните!

Маньяк Коля вопил:

— О-о-о, бегите все сюда, глядите! Это будет мое, я первый нашел.

Долго ли мы пробыли на острове сокровищ, как опомнились от наваждения и как покинули НИИАС – опустим. Закрывая занавес над продолжением картины, отметим кое-что на будущее.

13. Чушка

Какова же была судьба грузовика с оборудованием, вывезенным с такими восторгами из НИИАС, с незабываемого острова сокровищ?

Увы, в большинстве своем заполученные драгоценности оказались ничемными. Соблазнительные моторчики были рассчитаны только на электросеть самолета – 115 вольт и 400 герц. Яркие пилотажные приборы годились разве что на украшение рабочего стола. Объективы ни к чему не подходили. Гироскопы и магниты можно было приспособить лишь для забавы – помните гроб Магомета? Электронные блоки пришлось раздарить, к чему они?

Из щедрого изобилия до сих пор жива одна только аккуратная дюралюминиевая пластина, на которой я смонтировал тогда самодельный заточной станочек. Каждый желающий может придти ко мне домой, и увидеть электроточило на солидном зеленоватом основании.

Полная драматизма поездка на остров сокровищ обернулась, можно сказать, пшиком. Но судьбе (как говорят литераторы) было угодно, чтобы в этой истории

Откопал наш Николай Васильевич, в числе прочего, один уникальный прибор. На круглой торцевой панели которого, наряду с переключателями и ручками, круглое оконце с топографической картой. Коля кричал, что отлично знает подобные приборы: внутри можно увидеть чрезвычайно тонкий механизм, с помощью которого подсвечивается на экране местоположение самолета.

И что он, Коля, с удовольствием будет изучать этот прибор. Не для какого-то там утилитарного использования, а чтобы вдоволь насладиться тонкостью изощренных механизмов.

Впрочем, этот сюжет у нас впереди – как раз для завершения сумбурного рассказа.

была еще поставлена окончательная жирная точка.

С памятной поездки прошло какое-то время. И вспомнился прибор с картографическим экраном, который утащил наш файн-механик – любитель в свою берлогу. И подступили мы к Коле с расспросами.

— А что твой блок-то? Разобрал? Покажи.

— Разобрал... – замылся Николай Васильевич. — Да нет его у меня, я его подарил... (и называет фамилию доцента, тоже любителя технических экспонатов).

— Как подарил??? Что-то на тебя не похоже.

— Подарил – и все. Не будем об этом больше говорить.

Решили узнать подробности у самого доцента, но тот тоже прячет глаза. Истину помог восстановить знакомый студент. Кошмарная история обрисовалась в следующем виде.

Доцент, заполучивший артефакт, немедленно поставил этого самого студента на разборку. Предстояло отвернуть

ряд винтов по бортику передней панели, чтобы она, вместе со своей тонкой электромеханикой, выдвинулась из цилиндрического кожуха.

Студент откручивает винты... и разбирает его смех: винты оказались простыми шурупами по дереву. К тому же явственно заметно, что и отворачивались они уже – предыдущим владельцем, а после аккуратно поставлены на место.

Но наш доцент ходит вокруг, ничего такого не замечая. Заглатывает слюну,

предвкушая чудеса, что сейчас явятся внутри.

Но вот все и готово. Нетерпеливо тянут за панель, которая со своей незамысловатой бутафорией остается в руках. Но столе – сосновый чурбан (надо отдать должное: превосходно отшлифованный и выкрашенный в точности под металл). Внутри колоды – для весу – вделана железная чушка.

Эх, было времечко...
